

КОГДА
ПОГАСЛО

НЕБО

18+

Александр Ящинский

Когда погасло небо

«Автор»

2026

Ящинский А.

Когда погасло небо / А. Ящинский — «Автор», 2026

Это не история о спасении. Это история о том, что случается, когда человечество перестаёт быть центром мироздания. И о последнем человеке, который всё равно оставляет послание.

© Ящинский А., 2026

© Автор, 2026

Александр Ящинский

Когда погасло небо

Предисловие

Все персонажи и события, описанные в этой книге, являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, случайно.

Автор выражает глубокую благодарность братьям Стругацким — за то, что научили смотреть на небо и Стивену Кингу — за то, что научили не отводить взгляд

Эта книга — попытка соединить два этих урока.

P.S. Данная книга написана на одном дыхании за 8 часов. При написании использовалась помощь ИИ DeepSeek v4 pro.

Пролог

Ничто не длилось вечность.

Не было ни верха, ни низа, ни раньше, ни позже. Не было даже «ничего» — потому что «ничего» уже подразумевает пустоту, а пустота требует пространства, а пространства ещё не существовало.

Было поле.

Оно не имело размера. Оно не было «разлитое» в пространстве — потому что пространства ещё не было. Не было «всюду», потому что не было где. Поле просто было. Оно не занимало места — оно само было тем, из чего место возникает.

Оно флуктуировало. Оно дышало. И в каждом его вздохе рождались и умирали миры — пузыри истинного вакуума, которые схлопывались обратно быстрее, чем могли бы стать вселенной.

Большинство.

На десять в минус тридцать седьмой секунды — если бы кто-то считал, но считать было некому — поле дрогнуло. Две флуктуации родились рядом. Так рядом, что их горизонты соприкоснулись раньше, чем успели схлопнуться.

В точке касания инфлатон не успел выбрать, в какую сторону скатываться. Он застыл — тонкая доменная стенка между двумя разными вакуумами. Две вселенные в момент рождения соприкоснулись и разошлись, как расходятся пузыри в кипящей воде.

Но на этом разделении остался рубец.

Небольшой сгусток — замкнутая петля поля, внутри которой сохранились оба набора фундаментальных констант. Монополь. Топологический дефект. Реликт касания двух космо-сов. Он нёс в себе чужую физику, запертую в петле, как бабочку в янтаре.

Вселенные разлетались. Каждая остывала по-своему, обзаводилась собственными звёздами, планетами, законами.

А рубец остался.

За миллиарды лет расширения вселенной он рос вместе с пространством — но не пассивно. Поверхностное натяжение дефекта сопротивлялось растяжению, и к нашему времени он достиг поперечника в несколько сотен метров. Чужая физика, запертая внутри, оставалась нетронутой: иной вакуум, иные константы — свёрнутые в компактный объект, который ничто не могло разрушить.

Он дрейфовал в пространстве, выросшем вокруг него, — бесформенный, невидимый, забытый. Тысячи миллионов лет он плыл сквозь галактики, не вступая в реакцию, не излучая, не притягивая. Граница разных физических законов работала как абсолютное зеркало.

Пока не встретил Землю.

Пока люди не называли его астероидом.
Пока не попытались его убить.

Глава 1

Москва, Институт астрономии РАН, 12 сентября, 10:45

Телефон зазвонил в четверть одиннадцатого.

Коротин — Сергей Борисович Коротин, доктор физико-математических наук, директор Института астрономии РАН — сидел над отчётом по бюджетному финансированию и пытался понять, как уместить годовую программу наблюдений в цифры, которые сократили вдвое. Он снял трубку, не отрывая взгляда от таблицы.

— Слушаю.

Голос в динамике был незнакомый, мужской, негромкий, с той особенной интонацией, когда человек подбирает слова осторожнее, чем обычно.

— Сергей Борисович, моя фамилия Белов. Полковник Белов. Я из аппарата Совета Безопасности. Прошу прощения за беспокойство, но мне нужно, чтобы вы взглянули на один объект.

Коротин отложил ручку.

— Какой объект?

— Астероид. Мы его обозначили как ХС-2026-Альфа. Он на подлёте к Земле.

— На подлёте? — переспросил Коротин. — У нас вся база околоземных объектов. Каталоги ЦМП, NEOWISE, LINEAR. Если бы появилось что-то новое, мои ребята заметили бы первыми.

— Он не из базы, — ровно ответил Белов. — Он не оттуда, откуда обычно прилетают астероиды. Он движется по траектории, которой в Солнечной системе быть не может. У нас над этим работали специалисты Министерства обороны. Они пришли к выводу, что объект — межзвёздный.

Коротин молчал несколько секунд. Омега Центавра, Оумуамуа, Комета Борисова — за последние годы астрономы уже видели гостей из-за пределов системы. Но все они были мало-значимыми: пролетали и уходили обратно в межзвёздную тьму.

— И чем он отличается от предыдущих?

— Тем, — сказал Белов, и в голосе его впервые проступило что-то похожее на напряжение, — что у него сто процентов вероятности столкновения.

Коротин почувствовал, как под ложечкой неприятно холодеет. Он всё ещё смотрел на таблицу с бюджетом, но цифры перестали что-либо значить.

— Приезжайте, — сказал он. — Институт, четвёртый этаж. Я выпишу пропуск.

Он положил трубку и несколько мгновений сидел неподвижно. Потом встал, подошёл к графину с водой, налил стакан. Вода была тёплой и отдавала хлоркой. Он выпил её залпом, поставил стакан на место и посмотрел в окно.

Москва жила своей обычной жизнью. Осеннее солнце, пробки на Садовом, люди с портфелями и сумками. Никто из них не знал, что по небу к ним летит нечто, чьей траектории быть не может.

Через двадцать минут в приёмной раздался негромкий стук. Коротин поднял голову.

— Войдите.

В кабинет вошёл мужчина лет сорока пяти в штатском — неброский костюм, серый галстук, усталые глаза. За ним — двое в форме, но они остались за дверью.

— Полковник Белов, — представился вошедший. Он держал в руках планшет и тонкую картонную папку.

— Садитесь, — Коротин указал на стул напротив стола. — Рассказывайте.

Белов открыл папку и выложил на стол три распечатки. Коротин наклонился, рассматривая их. Первый — спектрограмма: ровная прямая, ни одной линии ни поглощения, ни излучения. Такого не бывает у твёрдых тел. Второй — кривая блеска: неестественно ровная, никаких всплесков при вращении, никаких теней. Третий — тепловой снимок высокого разрешения, снятый телескопом «Спектр-УФ».

— Первые данные мы получили восемь дней назад, — начал Белов. — Объект зафиксировал спутник системы предупреждения «Купол». Просто попал в поле зрения. Спутник не был предназначен для астероидной разведки, но аналитики обратили внимание на аномалию.

Коротин всматривался в кривую блеска. Альbedo — отражательная способность — было чудовищным. Не камень, не лёд, не снег. Ближе всего к полированному металлу: серебро, алюминий, зеркало. Объект отражал почти весь падающий на него свет, и делал это одинаково со всех сторон.

— Размер?

— Десять километров в поперечнике, плюс-минус два. По оптическому сечению — камень. Но гравитационное возмущение, которое он создаёт, соответствует объекту массой... сильно меньше, чем должно быть при таком размере. — Белов замаялся. — Если у него вообще есть масса. Получается, что объект либо почти пустой внутри, либо мы измеряем не то, чем кажется.

— Пустой, — повторил Коротин. Он посмотрел на Белова поверх очков. — Межзвёздный объект, который мы видим как астероид, но он не отклоняется в гравитационном поле. Вы понимаете, как это звучит?

— Понимаю. Именно поэтому я здесь, а не в кабинете у военных.

Коротин откинулся на спинку кресла. За окном по-прежнему текла Москва — машины, люди, облака. Он знал, как устроены астероиды. Он посвятил этому тридцать лет. И то, что лежало перед ним на столе, астероидом не было.

— Что вы хотите от меня?

Белов помолчал.

— Ваше заключение. Нам нужно понять, с чем мы имеем дело. Времени мало. Очень мало.

Коротин посмотрел на календарь. Двенадцатое сентября.

— Когда столкновение?

— Четырнадцать недель. — Белов встретил его взгляд. — Если выяснится, что мы не можем изменить его орбиту — а военные уже просчитывают варианты, — у нас будет один шанс.

Гринбелт, Мэриленд, Центр управления полётами имени Годдарда, 12 сентября, 05:50

За пять часов до этого разговора и семь тысяч километров западнее ситуация выглядела иначе. Там уже знали больше.

Джонатан Мёрфи, руководитель программы планетарной защиты NASA, стоял перед огромным экраном, на котором траектория ХС-2026-Альфа была прочерчена ровной красной линией. Линия упиралась в голубой шар Земли и обрывалась.

— Повторите ещё раз, — сказал он негромко. В комнате, кроме него, было семеро: двое астрономов, баллистик, представитель Госдепа, советник по науке и два специалиста по системам раннего оповещения.

Главный баллистик — немолодой индеец по фамилии Рао — поправил очки и заговорил с той неестественной спокойностью, за которой всегда стоит страх:

— Объект зафиксирован системой PAN-STARRS четыре дня назад. Первоначально классифицирован как астероид главного пояса. Но пересчёт орбиты показал, что он не входит в Солнечную систему. Он пришёл из межзвёздной среды. Скорость — семьдесят два километра

в секунду относительно Солнца. Это выше третьей космической. Он не захвачен гравитацией Солнца — он идёт сквозь неё, как пуля сквозь вату.

— Траектория?

Рао переключил изображение. На экране появилась проекция Солнечной системы с птичьего полёта. Красная линия входила со стороны созвездия Лиры — оттуда, куда движется само Солнце, — под пологим углом к плоскости эклиптики. Она прошивала систему сверху, почти по касательной, и врезалась в Землю в ночном полушарии.

— Столкновение — двадцать первого декабря, — сказал Рао. — Район падения — восточная часть Индийского океана, примерно в тысяче километров к юго-западу от Суматры. Размер — десять километров. Скорость входа — шестьдесят восемь километров в секунду. — Он помолчал. — Энергия удара... тут есть проблема.

— Какая?

Рао развернул график. Синяя линия расчёта резко обрывалась на половине.

— Мы не можем точно рассчитать энергию. Потому что не знаем массу. Объект почти не отклоняется гравитационно — по всем признакам у него нет массы, соответствующей его размеру. Если он пустой, удар будет слабым. Но спектр показывает твёрдую поверхность. Мы просто не понимаем, из чего он сделан.

В комнате стало тихо. Мёрфи смотрел на линию, упирающуюся в Землю, и чувствовал, как внутри поднимается глухая, липкая волна. Он проработал в планетарной защите одиннадцать лет. Он писал сценарии. Он участвовал в учениях. Он знал, что рано или поздно это случится. Но знание и реальность — разные вещи.

— Есть варианты? — спросил он наконец.

Рао развернул схему. Траектория с точкой перехвата — глубоко, за орбитой Марса.

— Если мы стартуем в ближайшие три недели — успеваем на перехват. Время полёта — около десяти недель. Встречаем его в середине декабря, за неделю до удара. Плечо рычага: даже небольшой импульс даст смещение на сотни километров к моменту подлёта к Земле.

— А если не пнём?

— Тогда ударит. Точно.

Мёрфи смотрел на схему. Красная линия обрывалась в Индийском океане.

— Сколько нужно на подготовку?

— Falcon Heavy в сборочном зале на мысе. Третью ступень снимем с «Галилео» в Тулузе — её ещё не запустили. Заряд — российский, «Болт-320». Они уже согласны. Месяц — и ракета в полёте.

Мёрфи повернулся к представителю Госдепа.

— Вы слышали. Действуйте.

Советник по науке вышел следом. Мёрфи остался стоять перед экраном — красная линия упиралась в голубой шар. Через месяц Falcon Heavy пойдёт на перехват. У них будет один выстрел.

— Дай-то Бог, — сказал он тихо.

Мыс Канаверал, Флорида, стартовый комплекс LC-39A, 3 октября, 08:00

Когда президент США дал «добро», сомнений не осталось. Российский «Купол» отслеживал объект, китайский «Тяньвэнь» сверял координаты, ESA подтверждало — расхождение в расчётах не превышало трёх процентов. Десять километров. Двенадцать недель до удара.

Единственное, что могло успеть — Falcon Heavy компании SpaceX. Тяжелая ракета стояла на мысе Канаверал с прошлого месяца, ожидая коммерческий запуск. Его отменили в тот же день. Ступень для коррекции траектории сняли с европейского навигационного спутника «Галилео», который ещё не покинул чистовую сборку в Тулузе. Европа не возражала.

Командиром миссии назначили полковника Громова — того самого, что вёз боеголовку из ядерного арсенала в Сарове через Атлантику в грузовом отсеке Ил-76. Боеголовка — модифицированная «Болт-320», триста кило тонн, контактный подрыв. Она должна была разорваться в трёх метрах от поверхности объекта и сообщить ему поперечную скорость: пнуть, а не подвинуть.

Четвёртого октября, на двадцать второй день после обнаружения, Falcon Heavy поднялся над Атлантикой.

Громов смотрел на трансляцию из бункера на мысе. Полёт до цели — десять недель. Расчётная точка встречи — на тринадцатое декабря, в одной десятой астрономической единицы от Земли, севернее плоскости эклиптики. Если всё пойдёт по плану, у Земли будет шанс.

Никто не знал, что боеголовка не долетит.

На семьдесят первой минуте перед расчётной встречей телеметрия показала аномалию. Сначала Громов подумал, что сбой на Земле — биения в сигнале, потеря синхронизации. Потом данные исчезли. Борт и боеголовка перестали существовать для всех станций слежения.

Последнее, что успел передать борт — короткая вспышка показаний с лазерного дальномера: до цели оставалось меньше минуты. И внезапный скачок температуры — не от взрыва, а от чего-то, чего датчики не могли описать.

Больше — ничего.

ХС-2026-Альфа продолжал лететь к Земле, не изменив траектории ни на секунду дуги.

МКС, модуль «Купол», 13 декабря, 14:10 по Гринвичу

На тринадцатое декабря пришёлся первый визуальный контакт.

Алексей Шелепов, бортинженер шестьдесят девятой экспедиции, работал с фотокамерой в обзорном модуле. На станции знали об объекте — командование сообщило накануне, сухо и без подробностей. Сказали: «Будет видно». Он не придал значения — мало ли что видно из космоса.

Кадр за кадром — побережье Бразилии, граница терминатора, край полярного сияния. Потом он поднял камеру выше, настраивая экспозицию, и замер.

Там была звезда.

Ярче Венеры. Ярче всего, что он видел на орбите за полгода. Она висела чуть выше плоскости эклиптики, со стороны Лиры, и не мерцала — атмосфера не гасила её блеск. Она просто была. Белая, ровная, как игла.

— Командир, — сказал он в гарнитуру. — Я вижу его.

Подключились все. Четверо теснились у иллюминаторов, глядя в пустоту, где висела точка. Астронавт NASA — Джеффри Уилсон — приник к объективу с насадкой.

— Он... не круглый, — сказал он после долгой паузы. — Не круглый и не продолговатый. Он... ровный. Как эллипсоид.

— Может, и не эллипсоид, — тихо отозвался Шелепов. — Может, он просто не отражает свет так, как мы привыкли.

Они смотрели ещё несколько минут, пока станция не ушла в тень Земли. Точка погасла, но каждый знал — она там. Она приближается.

Шелепов отложил камеру и включил связь с ЦУПом.

— Королёв, я «Дельта». Мы видим его невооружённым глазом. Подтверждаю визуальный контакт. Объект... не похож на астероид.

— Что значит «не похож»? — спросил голос из центра.

— Он слишком правильный. — Шелепов помолчал. — Слишком.

Москва, Институт астрономии РАН, 13 декабря, 17:30

Коротин сидел в том же кабинете, за тем же столом. За окном — декабрьская темень, фонари зажигались уже в четыре. С момента первого звонка Белова прошло три месяца. С момента старта Falcon Heavy — два с половиной. О неудаче миссии он узнал неделю назад вместе со всеми.

На мониторе — последние данные по объекту. Коротин смотрел на них уже полчаса, перепроверяя цифры раз за разом. Результат не менялся.

Он набрал Белова.

— Сергей Борисович? — голос Белова звучал устало.

— У меня странные цифры, — сказал Коротин без предисловий. — Объект прошёл внешнюю границу пояса астероидов. Он должен был заметно разогнаться — Солнце тянет его уже два месяца. По всем расчётам скорость должна была вырасти минимум на три километра в секунду.

— И?

— И она не выросла. — Коротин помолчал. — Она не изменилась вообще. Абсолютно. Ни на метр в секунду.

В трубке повисла пауза.

— Объект не реагирует на гравитацию Солнца. — Коротин произнёс это вслух, и от собственных слов стало не по себе. — Понимаете? Он летит так, как будто Солнца не существует. Будто для него нет ни Солнца, ни планет. Ничего.

— Так не бывает, — тихо сказал Белов.

— Я знаю, — ответил Коротин. — Поэтому я вам звоню.

Он повесил трубку и ещё раз посмотрел на график. Мало того что скорость не менялась — кривая блеска объекта за последние сутки показала пульсацию. Ровные колебания с периодом около сорока минут, как будто объект медленно дышал. Ни один астероид, ни одна комета так себя не вели.

Коротин открыл чистый лист в блокноте и написал: «Не камень. Не пузырь. Непонятно что, но оно живое в том смысле, в каком мы не привыкли понимать это слово».

Он посмотрел на запись, перечитал, закрыл блокнот.

Глава 2

Мир, 14–19 декабря

Наутро после визуального подтверждения с МКС информация перестала быть секретной.

Первым пошёл японский канал NHK — они вели прямую трансляцию ночного неба через телескоп в обсерватории Китаками. Комментатор повторял: «Смотрите, это не звезда». Точка двигалась по экрану, медленно, но заметно. Через час сюжет подхватили CNN, BBC, Россия-24. К полудню каждый телеканал в мире показывал одно и то же: белый объект на чёрном фоне, ярче Венеры, на четверть диска Луны. Он рос.

На семнадцатое декабря альbedo объекта подтвердилось окончательно — он отражал почти весь свет, как свежеступированное серебро. Это означало, что настоящая яркость могла быть в несколько раз выше расчётной. Никто не знал, что это значило на самом деле. Но в новостях звучали термины: «инопланетный», «искусственный», «апокалиптический».

В Вашингтоне президент обратился к нации — коротко, без ответов на вопросы. Закончил словами: «Мы не знаем, что это. Но мы знаем, что оно приближается». Дальше математики: за четыре дня до удара объект займёт полнеба к югу от зенита.

В Москве к вечеру восемнадцатого декабря из магазинов исчезла вода, гречка, консервы, батарейки и свечи. Бензин кончился на заправках к исходу дня — кто-то скупал в канистры, кто-то просто сливал из баков. Очереди растягивались на километры. Банкоматы опустели к утру. Никто не знал, что брать с собой, но все знали, что уходить надо.

По соцсетям разлетались инструкции: улететь на другой континент, спуститься в метро, молиться. Кто-то продавал места в бункерах по цене квартиры. Кто-то раздавал всё бесплатно. Закрылись школы. Перестали ходить поезда дальнего следования — машинисты просто не вышли на смену. Авиабилеты кончились за день, не работали системы бронирования — сайты рухнули под нагрузкой.

К утру двадцатого декабря объект был виден даже днём, если знать, куда смотреть. Белая игла в голубом небе. Она не мерцала.

Газеты выходили в тот день тонкими — половина типографий уже не работала. Но те, что вышли, успели напечатать главное.

«The New York Times» — «Witness to Extinction. Three Days Left.»

«Коммерсантъ» — «Сорок восемь часов. Научная колонка: что известно об объекте ХС-2026.»

«Le Figaro» — «Le ciel s'éteint. Dernier appel.»

«Asahi Shimbun» — «#####.»

Последние полосы были набраны впопыхах. Никто не знал, увидят ли они номер завтра.

В редакциях ещё горел свет. Операторы держали камеры, корреспонденты говорили в микрофоны, хотя уже никто не смотрел новости. Люди просто стояли на улицах и смотрели на небо.

Ки́рьят-Ата, подземный ситуационный центр правительства Израиля, 20 декабря, 23:15

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.